

*Посвящается моей жене Мохинисо.
Она — лучшее, что подарила мне жизнь*

За четыре года странствий по бездорожью в диких безлюдных местах фургоны порядочно поистрепались. Колесные спицы, дышла частенько ломались, многие пришлось заменить, используя местный древесный материал; брезентовый верх фургонов был настолько латан и перелатан, что от первоначальной ткани почти ничего не осталось; количество быков в одной упряжке сократилось с восемнадцати до десяти — многие животные пали жертвами хищников и болезней. Но этот небольшой, изнемогающий от усталости караван нес драгоценный груз — бивни пятисот слонов, десять тонн отборной слоновой кости. Такой урожай собрала меткая винтовка Шона Кортни. Эту слоновую кость он собирался обратить в пятнадцать тысяч золотых sovereignов, когда достигнет Претории.

Шон снова стал богатым человеком. Да, его мешковатая, грубо заштопанная одежда не отличалась чистой, сапог и были изношены чуть не до голенищи кое-как залатаны сыромятной кожей буйвола, огромная борода почти достигала живота, а на спину, закрывая воротник пальто, спадала грива черных выющихся волос, неровно подрезанная тупыми ножницами. Но, несмотря на столь живописную внешность, он знал, что является богачом: у него полно слоновой кости, а также золота, бережно хранимого для него в стальных сейфах Народного банка Претории.

С пригорка возле дороги, сидя на лошади, Шон наблюдал, как неторопливо тащатся его фургоны. «Да, —

с удовлетворением думал он, — самое время заводить свой дом и хозяйство». Ему уже тридцать семь лет, как-никак давно не юноша, пора покупать собственную ферму. Он хорошо представлял, чего именно хочет, и точно знал, где построит усадьбу, — он поставит ее на самом краю откоса, чтобы по вечерам сидеть на широких ступеньках веранды и смотреть на равнину, туда, где в голубой дали несет свои воды река Тугела.

— Завтра будем в Претории, — раздался рядом голос, прервав его мечты.

Шон повернулся в седле и посмотрел на зулуса, сидящего на корточках рядом с лошастью:

— Хорошо поохотились, Мбежане.

— Да, нкози, мы убили много слонов, — кивнул Мбежане.

В густой шапке его волос Шон впервые заметил серебристые прядки. Его верный спутник тоже уже немолод.

— Да и по свету погуляли, дай бог каждому, — продолжил Шон, и Мбежане снова важно кивнул в знак согласия. — От долгих путешествий устаешь, — размышлял вслух Шон. — Бывает, когда очень хочется поспать на одном месте... хотя бы пару ночей.

— И послушать, как поют твои жены, работающие в поле, — подхватил Мбежане. — И смотреть, как в вечерних сумерках твои сыновья загоняют скот в крааль.

— Это время, друг мой, для нас с тобой наконец настало. Мы возвращаемся домой, в Ледибург.

Мбежане встал, играя мускулами под бархатом черной кожи. Подняв голову, он улыбнулся Шону и ударил копытами о свой щит, обтянутый сыромятной кожей. Улыбка обнажила белоснежные зубы, лицо так и засияло. И Шон не мог не улыбнуться в ответ. Они улыбались друг другу, как двое мальчишек, удачно провернувших какую-то проказу.

— Если как следует погонять волов, нкози, можно добраться до Претории уже сегодня вечером.

— А что, давай попробуем, — поддержал его Шон и пустил коня вниз по склону, наперерез каравану.

В матовом сиянии африканского утра караван медленно приближался, когда в хвосте его поднялась суэта, быстро распространяясь по всей цепочке вперед: громко залаяли собаки, а зулусы принялись криками подбадривать всадника, который мчался мимо них к голове каравана. Он прижался к шее низкорослой лошади, подгоняя ее локтями и пятками; шляпа слетела и лежала на спине, удерживаемая кожаной тесемкой за шею, черные волосы развевались на ветру.

— Этот молокосос ревет громче льва, который его породил, — проворчал Мбежане, но в этом ворчании чувствовалась самая нежная любовь.

Он смотрел всаднику вслед, пока тот не достиг переднего фургона, на полном скаку осадив лошадку так, что она встала на дыбы.

— А еще ревет рот каждой лошади, на которую садится, — так же сердито добавил Шон, хотя в глазах его, наблюдающих за сыном, светилась та же любовь, что звучала в голосе зулуса.

Тем временем мальчик сбросил с луки седла прямо на дорогу рядом с фургоном коричневое тело убитой газели. Двое возниц торопливо спрыгнули, чтобы подобраться добычу, а Дирк Кортни пришпорил лошадку и поскакал туда, где его ждали Мбежане с Шоном.

— Что, только одна? — спросил Шон, когда Дирк развернул лошадку и встал рядом с ним.

— Нет, конечно. Три штуки добыл, с трех выстрелов. Остальных скоро принесут.

Говорил он грубовато и небрежно, считая вполне естественным, что в свои девять лет он обязан добывать мясо для всего отряда. В одной руке зажав поводья, другую, подражая отцу, небрежно уперев в бок, в седле он сидел так, будто его с пеленок приучили скакать на лошади.

Слегка нахмутив брови, чтобы скрыть чувства гордости и любви к сыну, Шон исподтишка окинул сына

изучающим взглядом. Лицо мальчика было до неприличия красиво: такие чистые, невинные глазки, столь безупречная кожа подобали, скорее, девочке. Солнце высекало рубиновые искры из густой копны темных кудрей; красоту широко поставленных зеленых глаз, обрамленных длинными черными ресницами, подчеркивали изящные линии бровей. Изумрудные глаза, золотистая кожа, в волосах словно рубины сверкают, — казалось, над этим лицом трудился ювелир. Шон перевел взгляд на его губы и ощутил укол беспокойства. Рот великоват, губы толстые и мягкие. И форма неправильная — словно он чем-то недоволен или вот-вот захнычет.

— Дирк, сегодня мы должны сделать полный переход, чтобы к вечеру быть в Претории. Никаких стоянок. Скачи обратно и передай всем возницам.

— А Мбежане на что? Все равно он ничего не делает!

— Я приказал это сделать тебе.

— Черт побери, папа! На сегодня с меня хватит!

— Делай, что я сказал, будь ты проклят! — с излишней яростью заорал Шон.

— Я только что с охоты, это нечестно... — начал было Дирк, но Шон не дал ему закончить:

— Каждый раз, когда я прошу тебя о чем-то, у тебя находятся отговорки. Делай, что я сказал.

Взгляды отца и сына скрестились; глаза Шона горели, взгляд Дирка был возмущенно-обиженный и угрюмый. С тревогой в груди Шон узнал этот взгляд. Предстояло выдержать еще одно испытание воли: у кого сильней; такое между ними теперь случалось все чаще. Чем закончится это? Тем, чем заканчивалось большинство из них? Признает ли мальчишка поражение, или снова придется прибегнуть к плетке? В последний раз это было две недели назад, когда Шон выговаривал Дирку за то, что тот плохо обращается со своей лошадкой, и речь шла о каком-то сущем пустяке. Дирк стоял и угрюмо слушал, пока Шон не закончил, а потом, ни слова не говоря, направился к фургонам. Шон скоро

забыл о разговоре; он стоял и о чем-то болтал с Мбежане, как вдруг из лагеря донесся пронзительный вопль, — так кричат от боли. Шон сразу помчался на крик.

В центре круга, образованного фургонами, стоял его сын. Лицо его все еще пылало от злости, а у ног лежало крохотное тельце жалобно скулящего щенка-сосунка — ребра его были переломаны ударом ноги Дирка.

Шон так разозлился, что побил сына, но даже в гневе он использовал для этого не длинную и тонкую плеть из бегемотовой кожи, ударом которой можно перерубить полено, а простую веревку. Потом отправил Дирка в свой фургон.

В полдень он послал за сыном и потребовал, чтобы тот попросил прощения за проступок. Но Дирк, угрюмо стиснув зубы, без единой слезинки в глазах отказался наотрез.

Шон снова его поучил, опять веревкой, но на этот раз без гнева, просто для порядка. Но Дирк остался непреклонен.

Наконец, совершенно отчаявшись, Шон прибег к помощи плетки. Все десять ударов, когда плеть, со свистом рассекая воздух, с резким шелчком шлепалась по голым ягодицам, Дирк пролежал без единого звука. Только тело при каждом ударе слегка подергивалось, но ни слова не вырвалось из его губ. Шон бил, чувствуя в груди тяжесть; пот стыда и вины заливал глаза. Крепко сжимая рукоятку плетки, он бил, механически делая взмахи, и в душе ненавидел сам себя.

Когда же Дирк наконец вскрикнул от боли, Шон выронил плеть, отступил и, тяжело дыша, прислонился спиной к борту фургона; он пытался подавить подступившую к горлу кислоту тошноту.

А Дирк вскрикивал снова и снова, и тогда Шон подхватил его и прижал к груди.

— Прости меня, папа! Прости меня! Я никогда больше не буду так делать, честное слово! Я люблю тебя, больше всех я люблю тебя и никогда не буду так де-

лать! — кричал Дирк, прижимаясь к нему, а Шон обнимал его еще крепче.

После этого случая зулусы несколько дней не улыбались при виде Шона и сами с ним не заговаривали, ограничиваясь ответами на отданное им распоряжение. Все до единого, включая Мбежане, всячески хитрили, плутовали, лгали и тайком делали все для того, чтобы исполнить любое желание Дирка Кортни в ту же минуту, как он его выскажет. Они могли возненавидеть всякого, кто лишал мальчика его привилегий, и Шон тут не стал исключением.

Все это случилось две недели назад. «И что же теперь, — думал Шон, глядя на сердито искривленные губы сына, — снова придется повторить то же самое?»

И вдруг Дирк улыбнулся. Столь резкая смена настроения сына всегда слегка озадачивала Шона, поскольку, когда Дирк улыбался, с губами его волшебным образом становилось все в порядке. Мальчик обладал воистину неотразимой улыбкой.

— Хорошо, папа, я все сделаю.

Он весело, будто сам вызвался исполнить поручение, пришпорил лошадку и поскакал к фургонам.

— Ну и нахал... шельма! — хрипло пробормотал Шон, скорее чтобы угодить Мбежане. Но при этом спросил себя, какова его, отца, доля вины в том, что сын вырос таким.

Для этого мальчишки фургон был родным домом, а вельд — школой, товарищами его были взрослые мужчины, которыми он повелевал по неоспоримому праву рождения.

С тех пор как четыре года назад умерла его мать, он не знал ласкового, нежного женского влияния. Что ж тут удивляться дикости этого звереныша!

Шон постарался поскорей отогнать воспоминание о матери Дирка. Здесь он тоже осознавал за собой вину; чтобы хоть немного примириться с этим чувством, ему потребовалось несколько лет.

Она уже давно мертва. Толку мало мучить себя угрызениями совести. Прочь уныние, оно мешает радостному чувству, которое охватило его несколько минут назад. Он шлепнул лошадь по шее свободным концом поводьев и выехал на дорогу: теперь путь лежал на юг, к линии низких холмов на горизонте, туда, где их ждет Претория.

«Да, что и говорить, дикарь у меня сыночек. Но когда доберемся до Ледибурга, он станет другим, — старался успокоить себя Шон. — Пойдет в школу, там из него выбьют весь этот вздор, да и я дома постараюсь — вколочу в него хорошие манеры. Нет, с ним будет все нормально».

В тот вечер, 3 декабря 1899 года, Шон спустил свой караван вниз по склонам холмов и встал лагерем на берегу речки Апиес. Шон с Дирком перекусили с дороги, и Шон отправил сына спать. Потом в одиночку взобрался на гребень холма и посмотрел на север, откуда они приехали. В лунном сиянии необъятная, молчаливая земля казалась серебристо-серой. «Прощай, прежняя жизнь», — подумал он и, повернувшись к северу спиной, стал спускаться навстречу манившим его из долины внизу огням большого города.

2

Шон приказал Дирку оставаться в лагере, но неприятный осадок остался, и, когда он пересек мост через Апиес и въехал в город, настроение у него испортилось. Рядом с ним трусил, стараясь не отставать, Мбежане.

Погруженный в свои думы, Шон свернул на Чёрч-стрит и только тут обратил внимание на необычное движение вокруг. Большая колонна всадников, обгоняя его со спутником, оттеснила их к краю дороги. Шон с любопытством наблюдал за этими людьми.

Это были простые бургеры — кто в домотканой одежде, а кто в костюмах, купленных в магазине. Они ехали строем, который при некотором воображении можно было назвать колонной по четыре. Но любопытство Шона возбудило не это, а количество этих людей. По дороге двигалось не меньше двух тысяч всадников, а пожалуй, и больше, самого разного возраста, от парней до седобородых мужиков. Грудь каждого украшал патронташ, набитый боеприпасами, а возле левого колена торчал из футляра приклад с поворотным затвором винтовки Маузера. К седлам были привязаны одеяла в скатку, у пояса брякали фляги и котелки. Сомнений не было: мимо него проехала воинская часть.

Стоящие на тротуаре женщины и несколько мужчин комментировали увиденное:

- Geluk hoor!¹ Молодцы, метко отстрелялись.
- Spoedige terugkoms².

А солдаты смеялись и тоже кричали что-то в ответ. Шон наклонился к хорошенькой девушке, стоящей рядом с его лошадьёю. Она с улыбкой размахивала красным платочком, но Шон вдруг увидел, что на ресницах ее висят капельки слез, как роса на листьях травы.

— Куда они едут? — крикнул Шон, стараясь перекрыть рев толпы.

Она подняла к нему голову. Слезинка соскользнула с ее ресницы, скатилась по щеке и упала на блузку, оставив на ней влажное пятнышко.

- На поезд, конечно.
- На поезд? На какой поезд?
- Смотрите, вот и пушки поехали.

Шон в смятении поднял голову: мимо загрохотали по мостовой две пушки. Пушкари в голубой униформе, расшитой золотыми галунами, подтянутые и серьезные, сидели на лафетах, а лошади, с трудом преодолевая

¹ Повезло! (*африкаанс*)

² Быстро вернулись (*африкаанс*).

огромный вес орудий, тащили их, низко склонив голову. Вертелись большие, окованные стальными обручами колеса, на казенной части поблескивали бронзовые детали, контрастируя с мрачным серым цветом стволов.

— Боже мой! — выдохнул Шон.

Он снова наклонился к девушке, взял ее за плечо и, не в силах сдержать волнение, потряс:

— Куда они едут? Быстро говори, куда?

— Что это вы, минхеер?! — Она вздрогнула при его прикосновении и отпрянула к толпе.

— Прошу вас! Вы меня простите, но я должен знать!.. — крикнул ей Шон, но ее уже и след простыл.

С минуту Шон был неподвижен, словно оцепенел, потом мозг его снова заработал.

Ага, значит, это война. Но где и против кого?

Наверняка не против местных племен, ни одно их восстание не могло потребовать таких сил. Одни только пушки чего стоят, более современного оружия Шон и представить себе не мог.

Нет, эта война белых людей.

Против Оранжевой Республики? Такого быть не может, они же им как братья.

В таком случае против британцев? Эта мысль как громом поразила его. Однако... уже пять лет назад об этом ходили слухи. Такое случалось и раньше. Он помнил 1895 год и знаменитый рейд Джеймсона¹. За годы, пока Шон был отрезан от цивилизации, могло случиться все что угодно. И вот теперь он случайно попал в самую гущу событий.

Он быстро обдумал свое положение. Он британец. Родился в Натале, под государственным флагом Соединенного Королевства. Внешне он ничем не отличается от бюргера, говорит как бюргер, держится на

¹ *Рейд Джеймсона* (29 декабря 1895 — 2 января 1896 года) — рейд на Трансваальскую Республику под руководством британского колониального чиновника Линдера Джеймсона.

лошади как бургер, родился в Африке и никогда ее не покидал, но формально он такой же англичанин, как если бы был рожден под звон колоколов лондонской церкви Сент-Мэри-ле-Боу.

Предположим, это война между республикой и Британией. И предположим, буры схватят его. Что они с ним сделают?

Конфискуют фургоны и всю слоновую кость, это точно. Возможно, засадят в тюрьму. И не исключено, что расстреляют как шпиона!

— Черт возьми, надо поскорей убираться отсюда, — пробормотал Шон, обращаясь к самому себе. И повернулся к Мбежане. — Поехали. Обрато к фургонам, быстро!

Но не успели они добраться до моста через реку, как он уже передумал. Нет, надо точно разобраться, что происходит. Здесь он может обратиться только к одному человеку. Он должен рискнуть.

— Мбежане, возвращайся в лагерь. Найди нкози-зану Дирка и никуда его не отпускай, даже если придется связать. Ни с кем не разговаривай и, если тебе дорога жизнь, не позволяй ни с кем говорить Дирку. Ты все понял?

— Я все понял, нкози.

Шон вернулся в город. По внешнему виду обыкновенный бургер среди тысяч других таких же, он неторопливо шагал в толпе, среди толкотни и фургонов, направляясь к магазину товаров повседневного спроса, расположенному в северной оконечности города возле железнодорожной станции.

Давненько Шон не видел этой вывески — теперь она оказалась подновлена свежей золотой и красной краской. «И. Голдберг, импортер и экспортер, торговец оборудованием для шахт, оптовый торговец и коммерсант, покупает золото, драгоценные камни, кожи и шкуры, слоновую кость, а также другие натуральные продукты».

Несмотря на войну, а может, и благодаря ей, магазин мистера Голдберга явно процветал. В нем царило столпотворение. Стараясь не привлекать к себе внимания, Шон принялся пробираться среди покупателей в поисках владельца.

Он нашел его в тот момент, когда тот пытался продать мешок кофе в зернах одному джентльмену, который, по-видимому, серьезно сомневался в их качестве. Дискуссия о достоинствах кофе мистера Голдберга по сравнению с кофе его соперника по бизнесу, торгующего через дорогу, становилась все более изощренной и понятной только специалистам.

Шон прислонился к стеллажу, полки которого наполняла всякая всячина на продажу, набил свою трубочку и, закурив, стал терпеливо ждать, наблюдая, как мистер Голдберг работает. Этому бы человеку да в адвокаты: его аргументы отличались такой силой, что убедили сначала самого Шона, а потом и покупателя. Тот выложил денежки, закинул мешок на плечо и, что-то ворча себе под нос, покинул магазин, оставив краснолицего и вспотевшего от схватки мистера Голдберга торжествовать победу.

— А ты, Иззи, так и не похудел, — приветствовал его Шон.

Голдберг поверх очков в золотой оправе с неуверенной улыбкой стал всматриваться в лицо Шона и вдруг узнал его. Он потрясенно заморгал, приглашающе мотнул головой, так что щеки его подпрыгнули, и скрылся в своем кабинете. Шон последовал за ним.

— Вы что, с ума сошли, мистер Кортни? — Голдберг ждал его, трясаясь от возбуждения. — Если вас схватят...

— Послушай, Иззи. Я прибыл сюда только вчера вечером. Я четыре года не разговаривал с белым человеком. Черт возьми, что здесь у вас происходит?

— Вы что, ничего не слышали?

— Ничего, будь я проклят.

— Война, мистер Кортни.

— Это я и сам вижу. Но где? И против кого?

— На всех границах. В Натале, в Кейпе.

— Но с кем?

— С Британской империей.

Голдберг даже головой покачал, будто сам не верил в то, о чем только что заявил.

— Мы бросили вызов целой Британской империи, — усилил он свою мысль.

— Кто это «мы»? — резко спросил Шон.

— Трансваальская Республика и Оранжевое Свободное Государство. Мы уже одержали великие победы: Ледисмит осажден, Кимберли, Мейфкинг...

— Кто это «вы»? Ты лично?

— Я родился здесь, в Претории. Я — бур.

— И что? Собираешься на меня донести?

— Нет, конечно нет, что вы! Вы столько лет были моим добрым покупателем и клиентом.

— Спасибо, Иззи. Похоже, мне придется как можно быстрее удирать отсюда.

— Да, это было бы разумно.

— А что с моими деньгами в Народном банке? Я могу их забрать?

Иззи печально покачал головой:

— Увы, все счета, которые считаются вражескими, заморожены.

— Проклятье, черт бы их всех подрал! — с горечью выругался Шон. — Послушай, Иззи, за городом у меня двадцать фургонов со слоновой костью, всего десять тонн... купишь?

— Почему?

— Десять тысяч за все: за быков, за фургоны, слоновою кость... в общем, за все.

— Это было бы не совсем патриотично, мистер Кортни. — Голдберг никак не мог решиться. — Торговать с врагом... и ведь вы только говорите, что там у вас десять тонн.

— Черт возьми, Иззи, ведь я не британская армия. Это стоит все двадцать тысяч.

— Но что вы хотите, чтобы я купил то, чего в глаза не видел, и не задавал вопросов? Хорошо. Даю четыре тысячи золотом.

— Семь.

— Четыре с половиной, — прибавил Голдберг.

— Скотина!

— Четыре с половиной.

— Нет, будь ты проклят. Пять! — прорычал Шон.

— Пять?

— Пять!

— Ну хорошо, пять.

— Спасибо, Иззи.

— Не за что, мистер Кортни.

Шон торопливо объяснил, где находится его лагерь.

— Можешь кого-нибудь послать, чтобы принял. А я, как только стемнеет, побегу к натальской границе.

— Держитесь подальше от дорог и особенно от железных дорог. У Жубера в Северном Натале тридцать тысяч войска, они собраны вокруг Ледисмита и вдоль Тугельских высот.

Голдберг направился к сейфу и достал пять небольших брезентовых мешочков:

— Хотите проверить?

— Я тебе доверяю, как ты доверял мне. Прощай, Иззи.

Шон сунул тяжеленькие мешочки за пазуху и заправил их под ремень.

— Удачи вам, мистер Кортни.

3

До темноты оставалось еще часа два, когда Шон вы­платил все, что должен был своим верным зулусам. Он подвинул небольшую кучку со­веренов на откинута­

задке фургона последнему из них и исполнил с ним довольно сложный ритуал прощания, со шлепками ладонями, пожиманием рук, повторением одних и тех же церемониальных фраз. Потом встал со стула и оглядел зулусов. Собравшись в кружок, они терпеливо сидели на корточках, обратив к нему свои словно вырезанные из черного дерева лица; в этих лицах он увидел отражение собственной печали расставания. С этими людьми он вместе жил и работал, делил с ними множество трудностей. Покидать их сейчас ему было нелегко.

— Вот и все, — сказал он.

— Йепхо, вот и все, — хором согласились они, и ни один не сдвинулся с места.

— Ну, идите, черт бы вас побрал.

Один из них медленно встал и подобрал с земли пожитки: кароссу — накидку из шкур, — два копыя и поношенную рубаху, которую подарил ему Шон. Взвалив сверток на голову, посмотрел на Шона.

— Нкози! — сказал он и поднял в знак прощания сжатый кулак.

— Нонга, — ответил Шон.

Тот повернулся и медленной, словно усталой, походкой вышел из лагеря.

— Нкози!

— Хлуби!

— Нкози!

— Зама!

Это была переключка верности друг другу — Шон в последний раз называл их имена, и они по одному покидали лагерь. Шон стоял и смотрел, как они исчезают в сумерках. Ни один не оглянулся, ни один не пошел с кем-то в паре. Да, это все, конец.

Шон устало повернулся лицом к лагерю. Лошади были готовы тронуться в путь. Три оседланы, на двух нагрузили поклажу.

— Сначала давай поедим, Мбежане.

— Все готово, нкози. Хлуби перед уходом все при-
готовил.

— Садись, Дирк. Пообедаем.

За едой говорил только Дирк. Он весело щебетал, возбужденный предстоящим новым приключением, а Шон и Мбежане глотали жирное тушеное мясо, почти не замечая вкуса.

Где-то в сгущающейся тьме затыкал шакал. Вечерний ветерок донес до них этот полный тоскливого одиночества голос, как раз под настроение человека, потерявшего и друзей, и состояние.

— Пора, — сказал Шон.

Он встал, надел овчинную куртку и стал застегивать, одновременно отбрасывая ногой догорающие поленья, чтобы потушить костер. И вдруг застыл на месте: вытянув шею, он внимательно прислушивался. Ветер донес до слуха какие-то новые звуки.

— Кто-то скачет, — подтвердил его догадку Мбежане.

— Тащи мою винтовку, Мбежане, быстро!

Зулус вскочил на ноги, бросился к лошадям и достал из футляра винтовку Шона.

— Спрячемся подальше от огня, и рта не раскрывать, — приказал Шон.

Он потащил Дирка в тень между фургонами. Потом взял у Мбежане винтовку и передернул затвор, загнав патрон в патронник. Все трое пригнулись как можно ниже и стали ждать.

Послышалось щелканье и хруст гальки под копытами лошади, затем тихое шуршание отодвигаемой ветки.

— Только один, — прошептал Мбежане.

Заржала выючная лошадь, и ей немедленно ответило ржание из темноты. Потом наступила тишина, долгая тишина, которую наконец нарушило звяканье уздечки: всадник спешил.

И вот Шон увидел его: из темноты медленно возникла тонкая фигура. Он направил на нее ствол, чтобы

в случае чего не дать приблизиться незваному гостю. В грациозных движениях незнакомца, в том, как он покачивал бедрами, было что-то необычное; у него были длинные, как у жеребенка, ноги, и, судя по его росту, Шон понял, что он молод, очень молод.

Шон облегченно вздохнул, выпрямился и стал внимательно его разглядывать: тот остановился перед костром и неуверенно огляделся, всматриваясь в темноту. На голове парня был полотняный, натянутый на уши картуз, одет он был в дорогой, янтарного оттенка замшевый пиджак. Прекрасно скроенные бриджи для верховой езды плотно облегли ягодицы. Шон подумал, что зад незнакомца несколько великоват, нарушая пропорцию с ножками, обутыми в английские охотничьи лакированные сапожки. Типичный городской щеголь, денди.

— Не двигайся, стой где стоишь, дружок! — с насмешливым презрением окликнул его Шон. — И выкладывай, что тебе нужно!

Слова Шона произвели самый неожиданный эффект. Парень подпрыгнул, подошвы его лоснящихся сапожек мелькнули в воздухе не меньше чем на шесть дюймов над землей, а когда приземлился, Шон уже стоял перед ним.

— Говори прямо, что тебе надо. У меня нет времени ждать до утра.

Парнишка открыл рот, снова закрыл, облизал губы.

— Мне сообщили, что вы направляетесь в Наталь, — проговорил он тихим, хриловатым голосом.

— Кто тебе об этом сказал? — строго спросил Шон.

— Мой дядя.

— Какой такой дядя?

— Исаак Голдберг.

Пока Шон усваивал эту информацию, он внимательно изучал лицо стоящего перед ним парня. Чисто выбрит, бледен, большие черные глаза, смешливые губы, которые сейчас были боязливо сжаты.

— А если направляюсь, что из этого?
— Возьмите меня с собой.
— Об этом забудь. Садись на лошадь и двигай обратно, домой.

— Но я заплачу... я хорошо заплачу.

То ли в голосе, то ли в осанке этого парня было нечто очень странное. Он стоял и обеими руками держал перед бедрами плоскую кожаную сумку, словно хотел что-то прикрыть, — но что? И вдруг Шон понял, что именно.

— Сними-ка фуражку, — велел он.

— Нет.

— Снимай, говорю.

Парень еще секунду колебался, потом почти с некоторым вызовом сорвал с головы фуражку, и из-под нее двумя черными струями хлынули сверкающие в свете костра густые косы, которые свесились чуть не до пояса, мгновенно преобразив застенчивого, неуклюжего юношу в ошеломительно красивую женщину.

Несмотря на то что Шон уже успел обо всем догадаться, он все же оказался не вполне готов к столь потрясающему открытию. Собственно, потрясла его не столько ее красота, сколько этот наряд. Шон еще никогда в жизни не видел женщин в штанах — у него даже дух перехватило. На ней штаны! Ей-богу, с таким же успехом она могла бы явиться к нему от пояса до пят голой... да какое там, даже голой было бы не столь неприлично.

— Здесь двести фунтов, — сказала она и направилась прямо к нему, протягивая сумку.

При каждом ее шаге ткань бриджей на бедрах натягивалась. Шон не выдержал и виновато перевел взгляд на лицо гостьи.

— Оставьте деньги при себе, сударыня, — сказал он.

А глаза-то у нее серые, да-да, серые, как дым.

— Две сотни на счет в банке и столько же, когда достигнем Наталя.

— Меня это не интересует.

Интересует, еще как интересуется, особенно эти ее мягкие, дрожащие губы.

— Тогда сколько же? Назовите вашу цену.

— Послушайте, сударыня. Я не собираюсь вести за собой целый караван. Нас и так уже трое, и один из нас ребенок. Впереди долгий и трудный путь верхом, очень трудный, а вдобавок впереди целая армия буров. У нас и так мало шансов. А еще один в нашей компании, да еще женщина, сводит эти шансы почти к нулю. Мне не нужны ваши деньги, я хочу только одного — доставить сына в безопасное место. Отправляйтесь домой и как-нибудь пересидите эту войну — она не продлится долго.

— Нет, я поеду в Наталь.

— Хорошо. Езжайте себе — только без нас.

Шон больше не мог уже на себя положиться — сил не осталось противиться взгляду этих серых глаз, и он повернулся к Мбежане.

— Лошадей, — отрывисто сказал он и зашагал от нее прочь.

Она молча стояла и смотрела, как они садились в седла, и нисколько не протестовала. Шон посмотрел на нее сверху, и она показалась ему такой махонькой, такой одинокой.

— Мне очень жаль, — проворчал он. — Будьте хорошей девочкой и езжайте домой.

Он поскорей пустил лошадь прочь, в темноту.

Они ехали всю ночь на восток по открытой, залитой лунным светом местности. Один раз миновали чью-то усадьбу с погашенными огнями, залаяла собака, и они отвернули в сторону, потом снова взяли на восток, держа справа от себя огромное созвездие Южный Крест. Наконец Дирк не выдержал и уснул в седле, при этом едва не соскользнув на землю, но Шон успел подхватить его. Он положил сына перед собой на колени и держал его там весь остаток пути.

Перед самым рассветом они вышли к берегу ручья, густо заросшему кустарником, стреножили коней и сделали привал. Мбежане вскипятил в котелке воду на небольшом, хорошо замаскированном костерке. Шон завернул спящего Дирка в одеяла. И тут вдруг на место их стоянки явилась все та же девица. Остановив лошадь, она спрыгнула на землю.

— Два раза чуть не потеряла вас. Перепугалась — жуть! — смеясь, заявила она и, стащив с головы картуз, потрянула блестящими косами. — А-а-а, кофе! Как хорошо, я умираю с голоду.

Шон со зловещим видом поднялся на ноги и, сжав кулаки, уставился на незваную гостью, но она несколько не испугалась: спокойно стреножила свою лошадь, пустила ее пастись и только тогда обратила внимание на Шона.

— Да бросьте вы ваши церемонии, садитесь, пожалуйста, — сказала девица и улыбнулась ему — в серых глазах ее плясали веселые чертики.

Она так точно скопировала его стойку, положив руки на свои непристойно обтянутые бедра, что Шон неожиданно для себя и сам улыбнулся. Ничего не мог с этим поделать, хотя понимал, что улыбка — признание поражения. А попытка подавить улыбку оказалась столь неудачна, что девица прыснула и весело рассмеялась.

— Готовить умеете? — хмуро спросил он.

— Так себе.

— У вас есть возможность потренироваться, с этого момента будете отрабатывать... за нашу доброту.

Уже позднее Шон продегустировал еду новой поварихи.

— А что, неплохо... при наших-то обстоятельствах, — проворчал он, подбирая остатки корочкой хлеба.

— Вы очень добры, сэр, — поблагодарила она.

Уложив свою скатку в тень, девица расправила ее, скинула сапожки и, облегченно пошевелив пальчиками ног, вздохнула и улеглась.